

УДК 17.024.1:821(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-125-138

Категория *совесть*
в советской литературе 1920-х гг.
(на материале романа А.А. Фадеева «Разгром»)

Михаил П. Одесский

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru

Аннотация. В статье демонстрируется различие двух интерпретаций *совести* – традиционной и послереволюционной. В первом случае *совесть* – внутреннее различие добра и зла (В.И. Даль), которое присутствует у каждого человека. Во втором случае *совесть* – «ответственность за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» (С.И. Ожегов). Автор статьи показывает, что в романе А.А. Фадеева «Разгром» положительные персонажи эволюционируют в направлении от первой интерпретации *совести* ко второй интерпретации.

Ключевые слова: советская литература, категория *совесть*, А.А. Фадеев, «Разгром», В.И. Даль, С.И. Ожегов

Для цитирования: Одесский М.П. Категория *совесть* в советской литературе 1920-х гг. (на материале романа А.А. Фадеева «Разгром») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 125–138. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-125-138

The category of *conscience*
in Soviet literature of the 1920s
(on the material of A. Fadeev's novel "The Debacle")

Mikhail P. Odesskii

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru

Abstract. The article demonstrates the difference between two interpretations of *conscience* – traditional and post-revolutionary. In the first case, *conscience* is the inner distinction between good and evil (V. Dal'), which is present in every person. In the second case, *conscience* is "responsibility for one's behavior to other people, society" (S. Ozhegov). The author of the article shows that in A. Fadeev's novel "The Debacle" positive characters evolve in the direction from the first interpretation of *conscience* to the second interpretation.

© Одесский М.П., 2023

Keywords: Soviet literature, category of *conscience*, A. Fadeev, “The Debauché”, V. Dal’, S. Ozhegov

For citation: Odesskii, M.P. (2023), “The category of *conscience* in Soviet literature of the 1920s (on the material of A. Fadeev’s novel ‘The Debauché’)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 125–138, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-125-138

Русское слово «совесть» – древнее: это славянизм, искусственно созданный в качестве кальки греческого слова «συνείδηση»¹. Приставка «со» – калька греческой приставки «συν», а греческий корень «-είδηση» может передаваться как «ведение», «знание». В данном докладе рассматривается не вся история слова «совесть», а только его семантические трансформации, отразившие переворот 1917 г. и построение советского социума.

Как известно, авторитетные толковые словари не только фиксируют лексический узус, но одновременно диктуют его, определяют норму.

В качестве отправной точки, позволяющей демонстрировать дальнейшую эволюцию слова «совесть» в XX в., целесообразно принять «Толковый словарь живого великорусского языка» (1863–1866) В.И. Даля:

СОВЕСТЬ ж. (род) нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития. *Робка совесть, поколе не заглушишь ее. От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь. Совесть мучит, снедает, томит или убивает. Угрызение совести. У кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится. Беззуба, а с костями сглохнет (или съест), совесть. Делай по совести, честно. Мы на совесть сделались, полагаясь на нее взаимно. Брать что на совесть, на свой нравственный ответ. Это у меня лежит на совести, сознаю себя должником, обязанным исполнить что. Надобно же и совесть знать, на все есть мера. <...>*².

¹ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб.: Азбука; Терра, 1996. Т. 3. С. 705.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1980. Т. 4. С. 256–257.

А вот – для сопоставления – дефиниция в однотомном «Словаре русского языка» (1949) С.И. Ожегова:

СОВЕСТЬ, -и, ж. Чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом. *Люди с чистой совестью. С. нечиста у кого-н. Со спокойной совестью делать что-н.* (будучи уверенным в своей правоте). *Угрызения совести. Поступить по совести* (как требует совесть). <...> *Этот поступок лежит на его совести* (он несет за это моральную ответственность). *На с. сделать* (добросовестно, хорошо). *Для очистки совести* (чтобы потом не винить себя в чем-н.). *По совести говоря* или *по совести* (вводн. сл.; говоря откровенно). *Надо и с. знать* (о чем-н. предосудительном: пора прекратить). *И как только у него совести хватило!* (как он не постыдился, не постеснялся)³.

Очевидно, что различия словарных определений – существенные, и не столько научные, сколько мировоззренческие. Можно даже утверждать, что в данном случае приходится говорить о двух интерпретациях «совести» – так сказать, «Совесть I» и «Совесть II» (табл. 1).

Таблица 1

<i>Совесть I (В.И. Даль)</i>	<i>Совесть II (С.И. Ожегов)</i>
«внутреннее сознание добра и зла»; «тайник души»	интериоризированное внешнее сознание – «нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» (ср. советский лозунг «Совесть – лучший контролер»)
вертикальное измерение сознания – «невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда»; в пределе – противостояние «окружающим людям, обществу» и единство с Богом	горизонтальное измерение сознания – единство с «окружающими людьми, обществом»

Соответственно, задача данной статьи – исследовать конфликт двух интерпретаций «совести», наглядно зафиксирован-

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1988. С. 605.

ный в хрестоматийном романе А.А. Фадеева «Разгром» (отдельное изд. – 1927)⁴.

* * *

«Разгром» – несмотря на острую литературную борьбу и принадлежность автора к агрессивной группе рапповцев – получил немедленное признание. Это было обусловлено успешным решением Фадеевым многоуровневых задач.

На первом уровне – беллетристическом, жанровом, сюжетном – построение романа о недавней Гражданской войне реализует привычную авантюрную схему – в духе романов об индейцах (которые Фадеев в юности читал): отряд «наших» ведет тяжелые бои с «чужими», многие персонажи погибают, но оставшиеся добираются до спасительной цели. Динамичный событийный ряд включает батальные эпизоды, жестокость, эротику, используется грубая лексика. Вместе с тем – отметил в положительной рецензии оппонент рапповцев А.К. Воронский – «писателя интересует внутренний мир героев»⁵, что также способствовало читательскому успеху.

На втором уровне – идеологическом – автор показывает, что великая революция предполагает страдания и гибель многих. В романе красный партизанский отряд, руководимый коммунистом Левинсоном, отступает под давлением превосходящих сил врага; Левинсон выполняет приказ – не одержать решительную победу, но сохранить «боевые единицы», отступить и спасти отряд; в финальной главе в живых осталось всего 19 человек (Левинсон жив, а центральный персонаж Морозка убит). Тем не менее – благодаря всем перенесенным мукам – в конечном счете революция обязательно победит, и хотя отряд разгромлен, но сохранен в качестве «боевой единицы», то есть приказ выполнен. Локальное поражение трансформируется в универсальную победу.

Однако в «Разгроме» присутствует и третий смысловой уровень – антропологический. Ведь великая революция должна быть не узкоэкономической или социальной, но обязательно – антропологической. Ее цель и результат – создание нового человека.

Коммунист Левинсон ставит перед собой задачу – не только любой ценой сохранить «боевую единицу», но также – создать «нового, прекрасного, сильного и доброго человека». Равным образом, сам Фадеев – в позднейшей статье, содержавшей авторские

⁴ Роман цит. по изд.: *Фадеев А.А. Разгром* // Фадеев А.А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1979. С. 51–206.

⁵ *Воронский А.К. Избранные статьи по литературе* / Сост. Г.А. Воронская. М.: Худ. лит., 1982. С. 254.

комментарии к роману – выдвигал на первое место именно антропологический аспект революции и Гражданской войны:

Первая и основная мысль: в гражданской войне происходит отбор человеческого материала, все враждебное сметается революцией, все не способное к настоящей революционной борьбе, случайно попавшее в лагерь революции, отсеивается, а все поднявшееся из подлинных корней революции, из миллионных масс народа закаляется, растет, развивается в этой борьбе. Происходит огромнейшая переделка людей.

Эта переделка людей успешно происходит потому, что революций руководят передовые представители рабочего класса – коммунисты, которые ясно видят цель движения и которые ведут за собой более отсталых и помогают им перевоспитываться⁶.

Если приложить авторские комментарии к системе персонажей «Разгрома», то реконструируется жесткая классификация человеческих типов.

Модель «нового человека» у Фадеева – как и у многих других социалистов – основана на двух критериях. Это – 1) классовое происхождение и 2) приобретенное мировоззрение, сознание. В «Разгроме» партизаны – потенциальные «новые люди» – антропологически разделены на четыре типа, 5-й тип – откровенные «враги» (табл. 2).

Таблица 2

Антропологический тип	Персонаж	Классовое происхождение, «человеческий материал»	Сознание
1.	Левинсон	еврей; «человек особой, правильной породы»	Коммунистический вождь, воплощение «осмысленного и решительного действия»; все ради «дела»; «вести за собой других людей можно, только указывая им на их слабости и подавляя, пряча от них свои»; способность «управлять событиями»

⁶ Фадеев А.А. Мой литературный опыт – начинающему автору // Фадеев А.А. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худ. лит., 1960. Т. 4. С. 103.

Окончание табл. 1

Антропологический тип	Персонаж	Классовое происхождение, «человеческий материал»	Сознание
2.	Бойцы-шахтеры, «угольное племя»	трудовое происхождение (оптимально – пролетарское)	«важный инстинкт», по которому все ... оправдано своей конечной целью»
3.	Морозка	пролетарское происхождение	«необдуманная» жизнь – «враг сидит в нем самом», мешающий ему осознать «конечную цель»
4.	Мечик	интеллигент; «чистенькие», «непостоянные, никчемные люди»; «никчемный пустоцвет»; ср. реплику другого персонажа, разумеется, отвратительного: «...скучно – интеллигентных людей тут мало»	вместо убеждений – поверхностная имитация, «натященные ими неизвестно откуда фальшивые, крашенные слова и поступки»; ср.: «ворох всяких добрых и жалостливых мыслей и чувствований»
5.	Белые офицеры, «человек в жилетке»	дворяне, деревенские богачи	коварные и жестокие враги, изображенные со стороны, без аналитики

При советской власти процесс формирования «нового человека» позиционировался как элемент коммунистической управленческой модели. Коммунистическая модель была нацелена как на управление социумом в целом, так и на управление «переделкой людей». А значит, процесс формирования «нового человека» предполагает, с одной стороны, наличие большинства – «человеческого материала», из которого формируются «новые люди», с другой же – меньшинства, коммунистов, которые управляют этим процессом и тем самым оказываются вне его.

Фадеев пишет в романе: «“Видеть все так, как оно есть, для того, чтобы изменять то, что есть, и управлять тем, что есть”, – вот к какой самой простой и самой нелегкой мудрости пришел Левинсон». По наблюдению специалиста-текстолога, с середины 1940 г. в результате авторской редактуры этот фрагмент принял такой вид:

«Видеть все так, как оно есть – для того, чтобы изменять то, что есть, *приближать то, что рождается и должно быть*», – вот к какой самой простой и самой нелегкой мудрости пришел Левинсон». <...> Характерна реакция на это А.Т. Твардовского <...>: «...А Фадеев! Как он переделывал отличную, лучшую свою книгу “Разгром”. <...> Как ужасен в нем был этот алкоголический романтизм, которым он увлекся в угоду времени, и не только времени» [Гришунин 1998, с. 53–56].

Первоначально было жестче, трезвей, с установкой на данность: «то, что есть», без «*приближать то, что рождается и должно быть*».

В мыслях Левинсона увязаны обе составляющие антропологической революции: и «человеческий материал» – «то, что есть», и способ «переделки» – «управлять». Но специфика «Разгрома» заключается в том, что для Фадеева отнюдь не первый тип, тип вождей-управленцев помещен в центр художественного изучения: они, так сказать, слишком идеальны и принадлежат к «особой, правильной породе» (символично – в «Разгроме» в качестве вождя фигурирует «чужой», еврей). Аналогично и второй тип – сознательные пролетарии – в определенной степени оказывается на периферии писательского интереса как близкий к идеалу.

Напротив, писатель тщательно анализирует то большинство, которое превращается в «новых людей», обретая правильное же сознание. Соответственно, с антропологической точки зрения принципиально занимательны третий и четвертый типы. В комментариях к «Разгрому» автор поясняет: для «переделки людей» надо, чтобы 1) Морозка и те, кто из «подлинных корней революции» (третий тип), отказались от «необдуманной» жизни, обрели правильное сознание и поднялись до второго типа, а 2) Мечик и интеллигенты (четвертый тип) – с их непролетарским происхождением – ушли бы из революции и из истории (они «отсеиваются»).

Наконец, в своих комментариях Фадеев высказался о судьбе пятого типа: враги обречены на безоговорочное уничтожение («все враждебное сметается») и автора они совершенно не занимают.

Суммируя: автор «Разгрома», в отличие от утопически настроенных мечтателей, делает акцент не на футурологической цели – «новом человеке» будущего, а на тех людях настоящего, которые предоставляют «человеческий материал» для будущего. Процесс переделки их в «новых людей» контролируется коммунистами, и можно сказать, что «переделка людей» даже важнее для Фадеева, чем политическая или военная победа.

Потому в финале «Разгрома» Левинсон, вырвавшись из окружения с девятнадцатью бойцами, готов не только продолжать вооруженную борьбу, но и фабриковать – очередных «новых людей»:

Левинсон обвел молчаливым, влажным еще взглядом это просторное небо и землю, сулившую хлеб и отдых, этих далеких людей на току, которых он должен будет сделать вскоре такими же своими, близкими людьми, какими были те восемнадцать, что молча ехали следом, – и перестал плакать; нужно было жить и исполнять свои обязанности.

* * *

Реконструировав логику «Разгрома», теперь правомерно сформулировать основной тезис статьи: становление «нового человека» есть – при условии пригодности «человеческого материала» – обретение правильного сознания, что есть собственно замена «Совести I» на «Совесть II». Эта идея пронизывает несколько ударных эпизодов романа.

В начале «Разгрома», пока отряд еще на отдыхе, Морозка крадет дыни у крестьян, которые поддерживают партизан, – крадет не по злему умыслу, а «необдуманно», по озорству. Левинсон собирает отряд, Морозку все осуждают, особенно – бойцы-шахтеры, ведь он подрывает солидарность мирного населения и партизан. Морозка болезненно переживает то, что говорят товарищи, и полностью согласен с ними. Но когда начинается отступление, то сам Левинсон в изменившихся экстремальных условиях «угонял коров, обирал крестьянские поля и огороды». Он тоже ворует, однако – в противоположность Морозке – ради коллектива, и это – совсем другое дело. Иными словами, если «Совесть I», движимая «невольной любовью к добру и к истине», внушает человеку «Не укради!», то «Совесть II» на общий вопрос «можно ли воровать?» не отвечает: в силу «нравственной ответственности за свое поведение перед... обществом» – нельзя воровать (когда это компрометирует отряд), и можно, когда отряд голодает.

Глава 11-я («Страда») содержит целый ряд жестоких поступков Левинсона, показанных – нарратологически – с точки зрения интеллигента Мечика, который, согласно комментариям Фадеева,

весьма «морален» с точки зрения десяти заповедей: он «искренен», «не прелюбодействует», «не крадет», «не ругается», но эти качества остаются у него внешними, они прикрывают его внутренний эгоизм, отсутствие преданности делу рабочего класса, его сугубо мелкий индивидуализм⁷.

⁷ Фадеев А.А. Мой литературный опыт – начинающему автору. С. 103–104.

У бедного крестьянина-корейца Левинсон отбирает последнюю свинью; Левинсон обрек семью корейца на голодную смерть, но накормил партизан. Жестокость по отношению к беззащитному тревожит «Совесть I» у Мечика, но Фадеев разоблачает нравственное чувство своего персонажа. «Нет, нет, это жестоко», – думает Мечик, но свинину ест, «потому что был голоден».

Левинсон приказывает отравить раненого партизана: шансов выжить нет, а взять его с собой отступающий отряд не может. Мечик, случайно подслушавший это, снова испытывает угрызения «Совести I», гласящей теперь «Не убий!». Узнав о приказе, Мечик кричит: «Обождите!.. Что вы делаете?..» Однако решение командира продиктовано ответственностью перед коллективом, и поведение Мечика все равно ничего не меняет: раненый только испытывает дополнительные страдания, поняв, в чем дело, но, осознавая нравственную обоснованность своей ликвидации, мужественно принимает яд.

Левинсон приказывает расстрелять представителя «врагов» – безымянного «человека в жилетке», который ранее помог белым убить партизана. Мечик не вмешивается, но приходит в ужас от убийства врага, и это опять – проявление «Совести I»: «...Они убили его, этого человека в жилетке <...> А он, наверно, плакал, бедный человек в жилетке...» И Фадеев опять дискредитирует подобную мотивировку. Оказывается, Мечик не просто не вмешался в расстрел, но и думал в конечном счете – о себе: «Они убьют и меня рано или поздно Но я и так не живу – я точно умер <...>».

В итоге тот самый Мечик, который находился в диалоге с «Совестью I», превращается в предателя. Более того, совершив предательство, Мечик не страдает, а приходит к выводу, что совести вообще не существует:

«А не все ли равно?» – вдруг подумал Мечик с той прямоотой и трезвостью, которую он теперь сам умел находить под ворохом всяких добрых и жалостливых мыслей и чувствований.

«Совесть I» не «тайник души», а фантом, «ворох всяких добрых и жалостливых мыслей и чувствований», оправдывающий самообман представителей четвертого, «никчемного типа». Напротив, Морозка без колебаний приносит себя в жертву во имя коллектива, что и есть подлинно нравственный поступок – регулируемый «Совестью II».

Итак, чтобы стать «новым человеком» – надо обрести правильное сознание, а значит, надо сделать прививку «Совестью II».

Завершая сопоставление двух интерпретаций «совести» в романе «Разгром», продуктивно заметить: отмена «Совести I»

жестко связана с отменой Бога. В романе Фадеева эта тема не развернута, но узнаваемо намечена. Например, когда бойцы хотят проверить, хорошо ли стреляет Мечик, ему предлагают в качестве мишени крест на часовне. Левинсон отговаривает подчиненных – по соображениям политической тактичности, а сам уверен, что новый человек необходим постольку, поскольку прежде люди верили в «злого и глупого бога», терпели насилие и обман и поражали человеческий «никчемный пустоцвет» вроде Мечика. Наконец, в последнем «религиозном» эпизоде соблазнительно заподозрить даже своего рода проговору. Партизаны предлагают расстрелять священника просто за то, что был рад белым, Левинсон же останавливает товарищей: «Отпустите его, – ну его к черту!» Слова – многозначительные: с одной стороны, фразеологизм, имеющий переносный смысл «Не хочу иметь с ним дело!», с другой – если буквально – «Пусть священник идет к дьяволу!».

* * *

Борьба Фадеева с «Совестью I» разворачивается в романе «Разгром» как в плане нарратологии, так и в языковом плане.

Во-первых, в этом романе о совести слово «совесть» отсутствует в эпизодах, важных для авторского послания (вроде встречи Мечика с «Совестью I»), а всплывает исключительно во второстепенных эпизодах (шесть случаев).

Во-вторых, когда оно встречается, то никогда не обозначает «Совесть I».

Три примера позволяют толковать «совесть» как боязнь общественного мнения (сниженный вариант «Совести II»): 1) Морозку упрекнули, что он не в боевой части, а при штабе; упрек, по мнению самого персонажа, справедливый – ведь он не подвергает себя опасности ради коллектива, поэтому он может только беспомощно кричать «Совесть моя где?!»; 2) далее Морозка просит перевести его в боевую часть и объясняет: «Да долго рассказывать – очертело мне, поверь совести...»; 3) Морозка ревнует жену к Мечiku (неоправданно) и ожидает с боязнью, «не покажутся ли две их совестливо крадущиеся фигуры?».

Три примера фиксируют некий дополнительный смысл (учтенный С.И. Ожеговым), когда «совесть» – это «добросовестно, хорошо»: 1) боец-партизан удивлен, как Мечikuхватило «совести довести ее (лошадь. – М. О.) до такого (ужасного. – М. О.) состояния»; 2) в другом эпизоде партизан «на совесть гнал жеребца»; 3) в бою Мечик «вместе со всеми на совесть старался догнать врага» (во втором и третьем примерах «на совесть» – вообще наречие).

Показательно, что в личной переписке Фадеев употреблял слово «совесть» в смысле «добросовестно, хорошо», да еще и заключал в скобки. Так, 15 сентября 1955 г. – незадолго перед гибелью – он успокаивал корреспондента, что не забыл о просьбе:

Однако особенностью моего характера – особенно теперь под старость – можно признать то, что я и «совестлив», и «памятлив», и, как бы надолго ни затянул то или иное дело, большое оно или маленькое, обязательно его выполню, ежели это еще возможно⁸.

Но самое главное: в тексте «Разгрома» фигурирует слово, которое специально соотнесено с «Совестью II». Это – слово «сознательный», чрезвычайно сложное для интерпретации.

Морфологически прилагательное «сознательный» производно от существительного «сознание». Исходное «сознание» в русском языке – как и его аналоги в большинстве европейских языков – имеет много базовых смыслов (кстати, русское «сознание» морфологически калькирует то же греческое слово, что и «совесть»: «συνείδησις»).

Прилагательное «сознательный» сохранило смыслы «сознания» («сознательный поступок» – поступок, который совершается не аффективно, но в сознании, сознательно), однако при вхождении в социал-демократический и потом советский идеологический тезаурус оно усвоило актуальную идеологическую нагрузку.

А.М. Селищев в знаменитой монографии «Язык революционной эпохи» (1928) приводит показательное сочетание «сознательный и марксистски организованный пролетариат России»: по мнению лингвиста, здесь «сознательный» (семантическая калька французского “conscient”) – почти синоним словосочетания «марксистски организованный», т. е. принадлежит к

терминам, существовавшим уже в русской философской и общественно-политической литературе, но употреблявшимся редко. В течение времени некоторые из этих слов с распространением в широких кругах становились терминами обиходной речи, равнозначными с прежними словами, близкими к ним по значению [Селищев 2003, с. 87].

В официальной советской культуре «сознательный» – «идейный», усвоивший правильное (марксистское) мировоззрение. Это

⁸ Вокруг Фадеева: Неизвестные письма, заметки и документы / Сост. И.Н. Дикущина. М.: Литературный ин-т, 1996. С. 114.

значение фиксирует четырехтомный «Толковый словарь русского языка» (1935–1940) под редакцией Д.Н. Ушакова, предшествовавший ожеговскому: «сознательный» –

отдающий себе отчет в окружающей действительности и в том, как надлежит действовать, обладающий сознательностью (см. сознательность). *Сознательная деятельность общественного человека находится в тесной зависимости от его идей* (Плеханов)⁹.

В «Разгроме» слово «сознательный» как раз присутствует в упоминавшемся уже эпизоде суда над Морозкой, укравшем крестьянские дыни. Бойцы требуют: «Самого спросить!.. Пущай скажет, ежели сознательный!..» И впрямь Морозка осознал, что поступил бессовестно: не потому, что воровал, а потому, что воровал вопреки интересам коллектива. Поскольку он потом сделал и практические выводы, постольку он – как надеялись товарищи – стал «сознательным».

Однако – если учитывать, что в эпизоде с кражей речь собственно идет о *совести* – получается: «сознательный» – не просто «марксистски организованный», «идейный», а носитель «Совести II».

Более того, следует отметить (отвлекаясь от текста Фадеева), что производное от прилагательного «сознательный» существительное «сознательность», закрепляя новую семантику, превратилось для советской культуры в основополагающую идеологему.

В Толковом словаре Даля «сознательность» вообще отсутствует (в отличие от «сознание»), но предсказуемо включено в «Толковый словарь русского языка» Ушакова. Согласно Ушакову, «сознательность» – «способность, умение отдавать себе отчет в окружающей действительности и в том, как надлежит действовать»¹⁰.

Дефиниция – маловразумительная: если заранее не знать, что такое «сознательность», то определение ничего не объяснит. Зато значимость лексемы подкрепляется весомыми цитатами – из Ленина и сталинского соратника В.М. Молотова:

Нет и быть не может таких трудностей и таких препятствий, которые не преодолела бы, так или иначе, сознательность, активность и заинтересованность рабочих масс. *Ленин*.

⁹ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. Т. 4. С. 360.

¹⁰ Там же.

Наши съезды всегда освещали далеко вперед назревшие задачи партии и всегда были крупным этапом в подъеме коммунистической сознательности масс, в коммунистическом воспитании трудящихся. *Молотов*¹¹.

Из высказываний вождей явствует, что «сознательность» – свойство «масс» (управляемых) и позитивный признак нового социума, созданного под управлением коммунистов. Но, прежде всего, очевидно, что «сознательность» – вопреки или благодаря толкованию, еще более смутному, чем в случае с «сознательный», – функционирует в качестве официальной идеологемы, фактически обозначающей «Совесть II»: приобретенное человеком массы «умение» действовать надлежащим образом – в согласии с волей коллектива.

* * *

Итак, в системе романа «Разгром» «Совесть I», традиционная «совесть», – признак «ветхого Адама», а признак «нового человека» – «Совесть II», для которой обнаруживается и специальное обозначение – «сознательный», «сознательность». Эти выводы поможет представить табл. 3, дополняющая табл. 1.

Таблица 3

<i>Совесть I</i>	<i>Совесть II</i>
«внутреннее сознание добра и зла»; «тайник души»	интериоризированное внешнее сознание – «нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» (ср. советский лозунг «Совесть – лучший контролер»)
вертикальное измерение сознания – «невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда»; в пределе – противостояние «окружающим людям, обществу» и единство с Богом	горизонтальное измерение сознания – единство с «окружающими людьми, обществом»
атрибут каждого человека	атрибут представителей управляемого большинства («нового человека»)
традиционная «совесть»	«сознательность»

¹¹ Там же. Ср. в словаре Ожегова попытку упростить невнятную дефиницию, повторяя ее: «умение, способность правильно разбираться в окружающей действительности. *Политическая с. масс*» (*Ожегов С.И.* Словарь русского языка. С. 607).

Литература

- Гришунин 1998 – *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. 413 с.
- Селищев 2003 – *Селищев А.М.* Труды по русскому языку. Т. 1: Социоллингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2003. 610 с.

References

- Grishunin, A. (1998), *Issledovatel'skiye aspekty tekstologii* [Research aspects of textology], Nasledie, Moscow, Russia.
- Selishchev, A.M. (2003), *Trudy po russkomu yazyku. Tom 1: Sotsiolingvistika* [Works on the Russian language, vol. 1: Sociolinguistics], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; modessky@mail.ru